

# ЯСНОПОЛЯНСКИЕ ВСТРЕЧИ

С годами Лев Николаевич стал все больше тяготиться городской жизнью и с 1901 года окончательно переселился в Ясную Поляну. Мы с женой начиная с 1905 года проводили летние месяцы в Телятенках, небольшом имении Толстых, верстах в двух от Ясной Поляны.

Живя в Телятенках, я почти ежедневно бывал в Ясной Поляне.

Лев Николаевич вел в Ясной регулярную трудовую жизнь. Вставал рано и отправлялся на одинокую прогулку, во время которой обдумывал предстоящую на день работу. Вернувшись, заставлял обычно посетителей и кого-нибудь из друзей, приехавших с утренним поездом. Коротко побеседовав с приезжими, Лев Николаевич брал с собой чайник с кипяченым кофе и два ломтя хлеба и уходил в свой рабочий кабинет, где оставался часов до двух-трех. Кончив работу, выходил в столовую к завтраку, после которого в любую погоду отправлялся на прогулку пешком или верхом. На прогулку он иногда брал кого-нибудь с собой. Перед обедом Лев Николаевич отдыхал, а после обеда у себя в комнате читал, разбирал почту, писал письма. К вечернему чаю он выходил ко всем, слушал музыку, играл в шахматы, иногда читал вслух что-нибудь, поразившее его. В июле 1908 года Лев Николаевич перечитывал Пушкина и нередко читал вслух его записки, анекдоты, мысли. Однажды он прочел вслух вторую главу «Пиковой дамы» до слов «И вот моя жизнь! — подумала Лизавета Ивановна». Впечатления от его чтения я никогда не забуду. Лев Николаевич как бы смаковал каждое слово и хотел свое восхищение передать слушателям.

Графиня, Томский, Лиза говорят у Пушкина каждый своим языком. Лев Николаевич, не преувеличивая, не как актер, а как повествователь, все-таки совершенно различно передавал беглую, рассеянную речь Томского, превосходный, старинный, грубоватый язык графини, робкие слова Лизы.

Читал Лев Николаевич негромко, как говорил; при начале чтения часто покашливал сердечным кашлем...

Замечу, кстати, что если нужно было кликнуть собаку, Лев Николаевич умел очень сильно засвистать, но он никогда не насвистывал и терпеть не мог, когда это делали другие. Ему казалось это чем-то неприличным. Не было также у

Льва Николаевича привычки напевать. Я никогда не слыхал, чтобы он напевал про себя какую-нибудь мелодию.

По вечерам бывала музыка. Я играл в Ясной Поляне довольно часто. Однажды — это было в 1908 году, — когда я играл и после игры подошел к Льву Николаевичу проститься, он сказал мне:

— В прошлый раз я хотел вам сказать, да вы уж ушли, что я рад вам всегда и без музыки или шахмат.

Удивительна была деликатность Льва Николаевича. Он никогда почти не просил меня играть на фортепьяно. Он знал, что я никогда не откажу ему в этой просьбе, если только какая-нибудь серьезная причина не помешает мне играть, а между тем он хорошо понимал, что всякому художнику, даже самому маленькому, очень тяжело насиловать себя, когда к этому нет внутреннего побуждения. Мне бесконечно дорого было видеть, что Лев Николаевич заботился о том, чтобы я не мог подумать, что я ему нужен только как музыкант или как партнер в шахматы, с которым можно провести час отдыха.

Тем более мне хотелось всегда ему играть, и я очень страдал оттого, что не мог делать этого достаточно часто. В те дни, когда я не расположен играть, я делаюсь бездарен, как колода. В такие дни заставить себя играть, да еще по собственной инициативе, было иногда свыше моих сил. Я чувствовал всегда, что Лев Николаевич меня понимает, и я был ему за это бесконечно благодарен.

Лев Николаевич говорил часто, что музыка побуждает его к художественному творчеству.

Большим счастьем для меня является сознание, что я был близок к Льву Николаевичу и своей музыкой мог доставить ему хотя бы небольшую радость.

**А. Б. ГОЛЬДЕНВЕИЗЕР,**  
народный артист СССР

20.10.1950

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ  
г. Москва